

МЕЛИНА БОЯРОВА

ВЕДЬМИН ДОМ И КОТ В ПРИДАЧУ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Б86

Боярова, М.

Б86 Вѣдьмин дом и кот в придачу / М. Боярова. — М. : Т8 Изда-
тельские технологии / RUGRAM, 2024. — 260 с.

ISBN 978-5-517-11973-5

Не думала я, что, помогая одинокой старушке, получу вместо благодарности вѣдьмин дом, кота и старый долг в придачу. И назад ничего не вернешь, потому что вѣдьма умерла, а мне теперь разбираться с ее проблемами. А дом, между прочим, занесло неизвестно куда, кот своими нравочениями последний нерв расцарапал, соседи непонятные шастают, еще и вредный некромант долг вернуть требует. Ничего, дайте мне только с магией разобраться, а там я и кота приручу, с домом подружусь и с приставучим магом сумею договориться.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Боярова М., 2024
© Чемышева В., оформление обложки, 2024
© Альтер - Оми, иллюстрации, 2024
© RUGRAM, 2024
ISBN 978-5-517-11973-5 © Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

— Помогите! — раздался жалобный плач, от которого сердце тревожно екнуло, и я не смогла пройти мимо.

Закрутив головой, осмотрелась в поисках человека, который нуждался в спасении. Не так давно я свернула с главной улицы на Калиновый переулок, чтобы срезать дорогу, и никак не ожидала, что кому-то здесь потребуется помощь.

— Умоляю, сжальтесь! — всхлипнул кто-то старческим голосом.

Бабушка учила уважительно относиться к пожилым людям, уступать место в общественном транспорте, поддерживать по мере возможностей. И я всегда следовала нехитрому правилу: бескорыстно помоги ближнему, и добро вернется к тебе многократно. Да и с самого детства я слишком жалостливой росла. То котенка полумертвого домой притащу, то птичку раненую, то еще какую-нибудь зверушку подберу на улице. Только выходили мои затеи боком. Я заботилась о животных, выхаживала, а они, едва только поправлялись, тут же исчезали неведомым образом. Я жутко расстраивалась, плакала, а бабушка успокаивала меня тем, что при себе насильно никого не удержишь. Вероятно, где-то у каждого из моих питомцев был собственный дом, где их любили и ждали. Иначе, почему они постоянно уходили?

— А как же я? Разве ему плохо было? — Когда сбежал рыжий котенок, проживший с нами целый год, я неделю плакала.

Подобрала малыша в парке совсем крохой, избитым, с едва прорезавшимися загноившимися глазками и сло-

манной задней лапкой. Из пипетки кормила молочком, по ветеринарам таскала, нянчилась с ним, а он просто исчез в один прекрасный день, хотя ничего этого не предвещало. Думать, что с ним несчастье случилось, я отказывалась. Сначала искала Руфа, всех соседей оббежала, соседние дворы облазила — никто его не видел.

— Ушел он, потому что с Басей не ужился, — объяснила тогда бабуля, и я отчего-то сразу поверила.

Бася — бабушкина кошка черного окраса с лоснящейся пушистой шерсткой и своенравным характером. Признавала только одну хозяйку, а на нас с мамой шипела, выгибая спину. Бывало, что и когти распускала. А уж котов по двору гоняла только так, даже на собак кидалась, если те вдруг на нее лаять начинали. С тех пор я больше никого не приносила, чтобы снова не потерять. Но помогать — всегда помогала тем, кто в этом нуждался.

Вот и сейчас, оглядевшись по сторонам, взгляд зацепился за отдельно стоящий частный дом с облупившейся краской на деревянных стенах и оконных наличниках. Прежде за домом присматривали, это было заметно, а когда некому стало заботиться, то постепенно он и пришел в запустение. Вон, еще не выродились растущие в палисаднике розы, а сквозь вездесущую траву проглядывала мощеная природным камнем извилистая дорожка, ведущая к крылечку.

Я подошла к окошку, силясь разглядеть хоть что-нибудь. Ажурные занавески частично закрывали обзор, но мне показалось, что в глубине дома промелькнул чей-то сгорбленный силуэт.

— Помогите же, заклинаю! — на этот раз голос прозвучал отчетливее, сомнений уже не возникло, что нуждающийся жил именно тут.

— Чем вам помочь? — откликнулась я. — Вы позволите войти?

— Да-да, деточка! Заходи скорее, там не заперто, — с надеждой в голосе ответила старушка. — Я так рада, что ты меня услышала. Так рада! Сил больше нет ждать.

— А какая помощь нужна? В аптеку или магазин сходить? Вы назовите что нужно, и я сбегаю, куплю. Тут магазин недалеко, на остановке.

— Да, у меня ж большой список! Поди, у тебя денег столько нет. Ты заходи, деточка, не бойся. Пенсия у меня хорошая, хватает на жизнь. Только здоровьем слаба стала, ноги не ходят. У меня тут и сумка готова, и деньги отложены. Из собеса через два дня только придет Машенька, а мне сегодня нужно.

Поддавшись на уговоры, я подошла к калитке, которая тут же распахнулась, стоило тронуть задвижку. Быстро преодолела короткий путь по дорожке и добралась до двери. Самой обычной, деревянной, с шершавой ручкой, болтающейся на одном гвозде.

Внутри царил мрачная атмосфера, какая ощущается в доме рядом со смертельно-больным человеком. Прибавить к этому запустение, отсыревшие после недавнего дождя стены, пыль по углам и паутину, и становилось печально оттого, как пожилому человеку приходилось доживать свой век. Мне иногда казалось, что такие места хиреют вместе с хозяевами, а после их смерти также гниют и рассыпаются в прах.

С порога я попала в холодные сени, где даже летом веяло прохладой, а потом в единственную комнату с русской печью, большим обеденным столом и деревянными лавками, прокинутыми вдоль стен.

Старуха лежала в спальном закутке, рядом с печкой, на металлической кровати с панцирной сеткой. В изголовье стоял пузатый сундук, окованный железом. На полулентами вились тканые дорожки, стол украшала скатерть ручной вышивки. Кухонный угол закрывала еще одна занавесь, и только угадывающиеся в просветах полки с глиняными горшочками намекали, что и там я увижу точно такую же картину крестьянского быта. Даже удивительно, как у хозяев получилось сохранить в первозданном виде кусочек старины в центре современного города.

О цивилизации напоминал выключатель, зажигающий свет единственной лампы под потолком, розетка и старая радиоточка. Ни телевизора, ни какой-либо другой бытовой техники я не заметила.

— Здравствуйте! Это я с вами разговаривала. Меня Анной зовут. Где, вы говорите, список продуктов? — поздоровалась с порога, не решаясь пройти дальше без спроса.

— Ох, подойди поближе, деточка! — попросила хозяйка дома умирающим голосом.

Когда я выполнила просьбу, то первое, на что обратила внимание — сморщенное лицо с крючковатым носом, утопающее в пуховой подушке, взлохмаченные седые волосы и невозможно яркие зеленые глаза.

— Анечка, значит? — Старуха вперилась пронизывающим взглядом. — А меня Аидом Власовной зовут. Присядь. Не бойся, не съем я тебя. — Похлопала рукой по краю постели.

Едва я шагнула к кровати, как из-под нее с шипением и диким кошачьим ором выскочило всклокоченное рыжее существо с грязной шерстью и паутиной на морде. Сиганул котяра так высоко, что достал меня и расцарапал кожу на внешней стороне ладони. Я зажала рану и отпрянула, не понимая причину странного всплеска ярости у животного.

— Пушок, ты чего на нашу гостью кидаешься? А ну, не смей! — в болезненном голосе старушки прозвенели стальные нотки. — Анечка нам поможет. Обязательно поможет, больше ведь некому. Одна я на белом свете осталась последние денечки доживать. Деточка, ты не бойся, Пушок не тронет. Это он меня защищает. Двери-то я не запираю, а люди разные ходят. Кто знает, что у них на уме? У меня вот тут мазь целебная имеется. Помажешь, и рана заживет быстро. Возьми в сундуке.

— Вы список обещали передать, Аида Власовна. — Я поостереглась куда-либо лезть и напомнила старушке о цели визита. — Время еще не позднее, но темнеет быстро

на улице. Я бы хотела засветло домой попасть. — Намекнула, что не обязана тут торчать до вечера.

— Список? Какой список? — Старуха взглянула на меня с недоумением. — Ах, спи-исок! Где-то здесь был. Может, под подушкой? Не посмотришь? А то мне неудобно, не дотянусь.

Я уже сто раз пожалела, что откликнулась на зов о помощи. Бабка подозрительная, кот у нее бешеный, и дом странный. Приближаться к старухе жуть, как не хотелось, поэтому я сначала глазами искала, не торчит ли откуда бумажка, и только после этого осторожно пошарила рукой под подушкой. Нащупав что-то похожее на искомый предмет, вытащила его и протянула старухе, которая в этот момент пристально меня рассматривала и что-то шептала, беззвучно шевеля губами.

— Оно, проверьте? — Я показала свернутый в трубочку пергамент с сургучной печатью. Сомнительно, чтобы подобный документ использовали для повседневных целей. — Больше я ничего не нашла.

— А больше ничего и не нужно, Анна! — Протянув морщинистую руку, Аида Власовна вцепилась вдруг в мою ладонь, сминая хрупкий пергамент и ломая печать.

Что-то острое впилось в кожу, прокалывая ее до крови. Я ойкнула и с недоумением уставилась на старуху.

— Что происходит? Что вы делаете? — На меня вдруг такая тяжесть навалилась, что я ни моргнуть, ни пошевелиться не могла.

Последние слова застряли в горле, а сознание накрыло ужасом. Творилось что-то очень нехорошее.

— Моя сила — теперь твоя! — с довольным видом прокаркала старая ведьма. — Мои долги — твои. Мои грехи...

— Ну. Уж. Нет! — выдавила из себя слова с огромным трудом, челюсть будто тисками железными сдавило, не позволяя говорить. — Свое. Дело. Забери. В свое. Тело.

На мгновение стало чуточку легче. Я воспользовалась моментом и свободной рукой схватила за ладанку, которую еще

в детстве подарила бабуля и велела никогда не снимать. Металл накалился в ладони, да так горячо, что я не выдержала нестерпимого жара и разомкнула пальцы. Овальный медальон весь потемнел, пошел трещинами. Цепочка, вообще, опала на кожу черной пылью. Но ладно, цепочка, сама старуха внезапно начала усыхать прямо на глазах, при этом распространяя волны необъяснимой мощной силы. Кожа у бабки сделалась пергаментной, способной рассыпаться от малейшего дуновения ветерка. А у нас, на секундочку, целый торнадо намечался вместе со мной в эпицентре. Не знаю, как не свихнулась в этот момент. Я была уже на грани, ведь подобного просто не могло быть!

Отчаянный кошачий визг, толчок в спину и впившиеся через футболку когти мгновенно отрезвили болью, пронзившей до печенок. Вот, зараза блохастая! Котьяра вцепился в меня с таким отчаянием, что его теперь только с мясом отдерешь. Моим мясом, между прочим!

А передо мной все интенсивнее раскручивался воздушный водоворот. Я чувствовала вибрацию, затрагивающую каждую клеточку. Чувствовала, как меня стремительно затягивает внутрь темной воронки, и что нет сил этому сопротивляться. От старухи остались только черно-белые пергаментные частички и обрубок костлявой руки, вцепившейся в мою ладонь хваткой мертвеца.

Я закричала от страха, не желая проваливаться в безликую необъятную бездну, раздавшуюся вширь в тот самый момент, когда подлая старуха испустила дух. Меня закружило так, что я потерялась и не понимала, где верх, а где низ. Затем мою бедную тушку затрясло, как стиралку в режиме отжима, и расплющило центробежной силой об невидимую поверхность. Хуже пришлось только коту, истошные вопли которого переросли в протяжный вой. К счастью или нет, но мой организм не выдержал подобной перегрузки и благополучно отключился. Последней мыслью пришло осознание, что погубила меня моя же доброта. Если бы я не откликнулась на зов незнакомой старухи, то ничего бы этого не случилось. Вот и помогай людям после этого.

ГЛАВА 2

Просыпалась я медленно, постепенно выныривая из тягучего сна, в котором привиделся жуткий кошмар. Чуткий слух уловил разноголосые трели птиц, доносящиеся откуда-то с улицы. Дышалось легко и свободно, лежала я на чем-то мягком и теплом. Только нос щекотало прикосновение чего-то воздушного, невесомого, как будто перышко из подушки выбилось. Я пошевелила носом, рассчитывая, что приставучее перышко слетит, но оно еще больше забилося в ноздри при первом же вдохе. Тут уже засвербело сильнее, так что я не выдержала и громко чихнула. Одновременно с этим я распахнула глаза, с изумлением наблюдая, как вокруг снежным облаком опадает ворох перьев.

— Что за?.. — приподнявшись в кровати, я остоленела.
— Мамочки, где это я?

Взгляд выхватил убогое жилище с плесневелыми деревянными стенами, кривым столом и одиноким колченогим табуретом, узким оконцем с мутными стеклами и деревянным почерневшим полом, доски в котором, того и гляди проломаются, если на них ненароком наступишь.

Мне разом вспомнились недавние злоключения, подлая старуха и ее последние слова.

Это ведь не происходит на самом деле? Я же сплю?

Я зажмурилась и с силой ущипнула себя за руку. Больно! И бесполезно. Открыв глаза, уныло констатировала, что обстановка вокруг ничуть не изменилась.

Значит, это не сон? А что тогда? Где я оказалась? — Спи-ну захолодило липким предчувствием грядущих проблем.

Подскочив с постели, опрометью бросилась к выходу, выскочила во дворик и вместо городских улочек тихого

центра увидела дремучий лес. Густые кроны дубов и елей переплетались где-то над головой и мерно покачивались, обдавая легким ветерком. На разные голоса пели птички, стрекотали кузнечики и жужжали мелкие насекомые. Но это лишь приятные слуху звуки леса на фоне ошеломительной тишины, которая бывает вдалеке от города. Ни тебе гуда машин, ни пропитанного грязными парами воздуха — первозданная природа в чистом виде и величественное спокойствие.

Я попятилась, возвращаясь в дом, служивший единственным связующим звеном с родным миром.

— Пожалуйста, пусть это будет сон! Пожалуйста! — зашептала, испытывая невероятный страх, потому что не училась выживать в лесу, в одиночестве.

Но я не спала, и, сколько бы ни щипала себя за руку, не просыпалась. В голове мелькали предположения о параллельном мире, альтернативной реальности, но я была так далека от всего этого, что даже мысленно развивать подобные темы опасалась. В основном, из-за рассудка! А вдруг это особенный вид бешенства проявился? Бабкин кот заразил, когда поцарапал.

Я подошла к постели, состоящей из вороха перьев, выбившихся из подушек и матраса. Села, ощущая, как под моим весом пружинит панцирная сетка. Кровать, похоже, та самая, на которой бабка лежала. Вещи вроде все остались со мной, как и рюкзачок, с которым ходила на работу.

Надо же, недавно я расстраивалась из-за того, что меня подсидела коллега, которой я бескорыстно помогала советами. Светлану повысили, потому что она по десять раз на дню бегала к начальству, докладывая о каждом шаге. А я не видела смысла хвастать тем, что и так входит в должностные обязанности. Однако результат оказался удручающим, и мне сделалось обидно, когда другого наградили за мнимые успехи. Ведь копни поглубже, спроси что-нибудь по делу, и сразу станет понятно, кто действительно работал, а кто только создавал видимость. Теперь же эти

